

УДК 1 (091)

УТРАТА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ: БАЗОВЫЙ ДОХОД И ДЕПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ

Н.Б. Афанасов

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва

Статья с социально-философских позиций рассматривает проблемы, которые могут сопутствовать введению безусловного базового дохода. Автор останавливает своё внимание на вопросе ценности человека в обществе, где работа превратится либо в роскошь для успешных, либо в наказание для неимущих. Используя методологию культурно-исторической эпистемологии, автор реконструирует понятия ценности человека в капиталистическом обществе. Занятость и профессиональная самореализация оказываются важнейшими компонентами самосознания современного человека, от рассмотрения которых нельзя отказаться при анализе концепции безусловного базового дохода. Автор указывает, что, во-первых, сама идея базового дохода, имеющая значительную популярность в обществе, связана с проигрышем конкурирующих с капитализмом социально-экономических моделей. В итоге утопическое мышление из радикальной трансформации перемещается в область модернизации существующего капиталистического уклада. Во-вторых, дискуссия вокруг базового дохода вызвана самим развитием капитализма, который становится цифровым и завершает централизацию капитала и производственных мощностей. Из эффективности технических средств вытекает проблема депрофессионализации трудящихся. Соответственно, именно в этой перспективе должна быть рассмотрена проблема человеческой ценности. «Ценный» человек больше не нужен современному цифровому и платформенному капитализму в качестве производящей единицы. В заключении автор предлагает обратиться к проблеме конструирования образов будущего без работы с позиций философии и ревалоризации личности.

Ключевые слова: социальная философия, базовый доход, цифровой капитализм, культура, Г.Г. Шпет, труд, культурно-историческая эпистемология, депрофессионализация.

Введение

Дискуссия о введении безусловного базового дохода с необходимостью имеет и социально-философское измерение. Подобная мера, если она и будет осуществлена на практике, имеет слишком много социальных последствий, которые невозможно достоверно предсказать, оставаясь в рамках моделей экономической науки. Институциональное измерение экономических отношений свидетельствует о важности культурной компоненты в реализации экономики [9]. В случае с базовым доходом мы говорим об одной из ключевых характеристик модели

современного капитализма – привычном нам труде. Капитализм предполагает, что субъекты экономических отношений так или иначе взаимодействуют по модели, стремящейся к «честной игре» (от англ. *fair play*). Количество и качество труда должны определять то, насколько преуспеет тот или иной агент. Безусловно, на практике модель гораздо сложнее. В неё включается такая характеристика, как, к примеру, удача [17]. Впрочем, это влияние тоже можно квантифицировать и внести в качестве возможной погрешности в математическую модель.

Но «труд» и «работу» исключить из существующей системы абсолютно невозможно. Они остаются в качестве переменных даже в том случае, если мы планируем введение базового дохода. На самом деле меняется *характер* труда и сама структура занятости. Дискуссия о практической реализации введения безусловного базового дохода порождена изменением рынка труда и распределения богатства в обществе [27]. Влияние автоматизации производственных процессов к началу XXI в. изменило существующую структуру производства. Реальный сектор, а также сельское хозяйство в развитых странах перестали составлять значимую часть экономики. Для социальных теоретиков важно не то, что это значит с точки зрения экономики, но то, что это значит для общества. А последствие было самое прямое – доля населения, занятого в материальном производстве, значительно сократилась.

Таким образом, мы подходим к тому, что, с одной стороны, многие люди рискуют оказаться без работы. С другой стороны, те, кто продолжают иметь работу, вероятнее всего, в своём большинстве будут работать на неинтересной и несовременной работе, которую на данный момент невыгодно или невозможно автоматизировать. Рассмотрим, что означают эти процессы с точки зрения капиталистической депрофессионализации, о которой писал Карл Маркс. Возможно, введение безусловного базового дохода приведёт к утрате культурной ценности профессионалов своего дела и поставит под угрозу само функционирование современного капитализма, в котором одной из движущих сил являются амбиции и таланты предпринимателей, а также профессиональные качества рабочих.

Базовый доход и ценность работы

Идея базового дохода очень популярна в последние два десятилетия [24]. Концепция одинаково привлекает внимание как учёных, так и простых людей. Похоже, что западное общество устало от отсутствия утопического мышления и стагнации современного состояния капиталистических отношений. После падения Восточного блока и коллапса социалистических режимов на практике очень быстро, пусть и с разной степенью успеха, интегрировавшихся в капиталистический мир альтернатив капитализму не осталось [18, с. 275–308]. С некоторыми оговорками мы можем сказать, что новой утопии мир пока ещё не изобрёл, а ста-

рый коммунистический проект не вызывает доверия. Даже лево ориентированные экономисты и социальные теоретики, к примеру, Тома Пикетти, весьма критично высказываются о справедливости социалистических режимов, которые оказались институционально хуже приспособлены к противостоянию неолиберальному капитализму [25, p. 42].

Поэтому не вызывает удивления настрой на модернизацию уже существующей социально-экономической модели. В конце концов, не только левые теоретики мечтали о том, что всю работу начнут выполнять совершенные машины. Широко известна идея британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса, который предсказывал, что рост производительности труда в конечном итоге приведёт к тому, что будущим поколениям фактически не придётся трудиться [5]. В конечном итоге мы продолжаем работать столько же, если не больше. Об этом со всей убедительностью пишет австралийский социолог и исследователь распределения свободного времени в современности Джуди Вайсман [2, с. 56, 73]. То потенциальное свободное время, которое высвободилось в результате автоматизации производства и последующей компьютеризации, совмещённой с роботизацией, современный человек использует для повышения качества собственной жизни. Комфорт оказывается важнее свободного времени.

Но структура занятости на практике сложнее. Высокие доходы доступны не во всех отраслях производства. Существует прямая зависимость между востребованностью специалистов в платформенной экономике [16, с. 41] и их заработной платой. Иначе говоря, современный капитализм предоставляет колоссальные возможности обогащения, но рынок этого обогащения чрезвычайно конкурентный. Похоже, что вилка между доходами богатых и бедных будет только расти, и это фундаментальный закон развития капитализма (см.: [10]). Значит, та работа, которую ранее выполняла основная масса людей, будет всё больше обесцениваться. А равновесие по распределению благосостояния смещаться в сторону высококвалифицированных инженеров или программистов. Учитывая существующую производительность труда и вектор на централизацию производств, перспективы стать высокооплачиваемыми специалистами нет у подавляющего большинства людей.

Вероятно, в этом не было бы ничего трагичного, хотя обрисованное положение дел явно противоречит пониманию справедливости, предложенному Джоном Ролзом. Из этой логики развития капитализма и рождается идея введения безусловного базового дохода. У современных обществ нет достаточно качественной работы для всех. Та работа, которая остаётся в избытке, как правило, неквалифицированная и по определению низкооплачиваемая. Профессор Лондонской школы экономики Дэвид Грэбэр говорит о «паршивых работах». Чтобы понять, что такое «паршивая работа», достаточно провести мысленный эксперимент: изменится ли что-то в мире, если эта работа исчезнет? (см.:

[22]). Отметим философскую природу вопроса, которым задаётся Грэбер. Указывая на бессмысленность многих работ, он подводит нас к мысли об увязанности ценности самого человека и работы.

На самом деле депрофессионализация уже произошла. Большинство из людей, задействованных в сфере обслуживания, требуется минимальная квалификация для выполнения своих служебных обязанностей. Это тот случай, когда обращение к творческому наследию Маркса более чем оправдано. Прогнозируя, а отчасти и описывая современное ему положение дел, Маркс пишет, что «...мелкие промышленники, мелкие торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне – все эти классы опускаются в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий и он не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их профессиональное мастерство обесценивается в результате введения новых методов производства» [7]. Последнее замечание как нельзя лучше описывает современное положение дел, когда традиционные профессии исчезают, заменяясь бессмысленными должностями и отчасти компенсируются новыми «цифровыми» профессиями [1, с. 54].

Критик этой позиции мог бы указать на то, что, утратив ценность для капитализма в качестве сложного орудия, человек не теряет своей ценности вообще. Но это утверждение представляется нам поверхностным. Говоря о ценности как таковой, мы допускаем методологическую ошибку. Ценность всегда имеет культурно-детерминированное содержание, если мы обратимся к философской традиции [19]. Если попытаться произвести ревизию ценности человека в капиталистическом обществе, то окажется, что социально-экономическая структура за несколько столетий сформировала совершенно особую культуру и модель человека, который может успешно функционировать при капитализме. Человек модерна не мыслит себя вне труда и профессии. Его представление о самом себе сформировано тем, насколько он смог реализовать свои таланты, насколько его труд ценится другими. Растянутая во времени жизненная траектория, личная история, увязаны с профессиональными и карьерными достижениями. Универсальным мерилom этой оценки выступают деньги и признание. В наивысшем виде это представление воплощено в знаменитом докладе Макса Вебера «Наука как призвание и профессия» (1917 г.) [3].

В том или ином виде эта культурная установка продолжала существовать на протяжении всего XX в. и отвечала устройству того капитализма, который предполагал значительную долю реального сектора в экономике. Существует она и сейчас, в рамках культа миллиардеров, стартапов или попыток выйти на сверхконкурентный рынок медиа. Описывая молодое поколение россиян, которое по базовым установкам схоже со своими западными ровесниками, социолог Вадим Радаев пишет: «Чего же все-таки хочется? Есть смутное, но непреодолимое жела-

ние сделать нечто значимое, самореализоваться, хочется кем-то стать, выделиться, доказать свою особенность» [12, с. 163]. Желание достичь чего-то общезначимого остаётся в мире ценностей современного человека, но капитализм постоянно ужесточает конкуренцию, отчего многие впадают во фрустрацию.

Обрисовав в целом ценность работы для капиталистического сознания человека, перейдём к тому, что обещает базовый доход. Предполагается, что в независимости от наличия основной занятости все лица, предположим, целого государства, будут получать определённую сумму денег, которая покрывала бы их потребности. Но как будет воспроизводиться стимул к достижениям, профессиональной самореализации в такой системе? Сможет ли существовать сам капитализм, при этом продолжая сохранять претензию на справедливость? Похоже, что введение ежемесячных выплат сможет затормозить либо вообще приостановить вертикальную мобильность в обществе. Помимо всего прочего на первый план выйдет вопрос о справедливости, поскольку сложно себе представить, что возникшая социальная структура будет достаточно динамичной. Американский философ марксистского толка Джоди Дин предсказывает, что динамика развития капитализма приведёт к своего рода новой форме феодализма, «неофеодализму» [4].

Анализируя обещание сторонников введения безусловного базового дохода избавить людей от «паршивых работ», мы не должны забывать, что многие работы стали «паршивыми» не просто так, а в результате трансформации моделей распределения общественного благосостояния. Как бы то ни было, классическая «работа», с перспективами карьерного роста, профессиональным развитием и коллективом, была ценностью эпохи, которая постепенно уходит. Но перед тем как представить себе будущее без качественной работы, отметим, что это исчезновение не следует трактовать так, как это хотят представить многие: как освобождение от изнурительного труда.

Депрофессионализация и утрата человеческой ценности

Исходя из предыдущего изложения, мы можем быть уверены по меньшей мере в двух следствиях из введения безусловного базового дохода с точки зрения тематики труда и трансформаций жизненного мира человека. Это депрофессионализация работников и утрата ценности работой в качестве культурно-исторического феномена. Социальные теоретики уже начали обращаться к обозначенной нами теме с культурных позиций. Американская исследовательница Барбара Дженкинс указывает, что введение базового дохода существенно изменит эстетическую сторону повседневной жизни [23]. Культурное потребление, составляющее значимую часть социальной жизни, вероятно, должно будет интенсифицироваться в новом контексте отсутствия обязательной многочасовой работы.

Рассмотрим подробнее, что это может значить. Методы социально-философской футурологии, позволяющие провести мысленный эксперимент и, отталкиваясь от имеющихся знаний, уловить противоречия в прорабатываемых сценариях, окажутся весьма полезными [8]. В качестве исходных данных мы имеем необходимое сокращение рабочего времени для подавляющего большинства населения, количество которого будет коррелировать с количеством занятых в сфере обслуживания и сфере производства нематериальных благ. На полях этого рассуждения отметим, что многие теоретики базового дохода ставят под сомнение тот оптимизм, в модусе которого происходит рассуждение о возможной автоматизации сферы услуг. На практике необходимые для функционирования экономики места занимают мигранты, которые по умолчанию не претендуют на безусловный базовый доход, не являясь полноправными гражданами государства, которое планирует его ввести.

Базовый доход противоположен традиционному сокращению занятости или рабочей недели (как это было в ряде стран во второй половине XX в.), он предполагает отказ государства от социальной ответственности по обеспечению рабочими местами населения. Следует помнить, что проблема безработицы всегда воспринималась как социальная. Возможно, опыт социологических исследований, а также философская рефлексия над душевным состоянием безработных помогут нам представить то, в какой ситуации окажутся люди, переведённые на безусловный базовый доход. Фиксируемое количественными и качественными методами социологии отсутствие мотивации, которое возникает у рабочих в крупных компаниях, когда они осознают ненужность выполняемых ими дел, вредит функционированию корпораций [21]. Более того, мотивация имеет значение и для потребителя. Именно она во многом запускает процесс производства коллективного блага [26].

В условиях отсутствия конкуренции, в которой можно было бы добиться значимых результатов, сложно себе представить структуру нового общества, которое уже достигло всего, чего могло пожелать. А то, что оно ещё могло бы пожелать, недостижимо из-за невыносимой конкуренции. Предположим даже, что люди, переведённые на безусловный базовый доход, не испытывают ресентимента по отношению к тем, кто всё ещё имеет работу (отметим, крайне высокооплачиваемую и требующую качественных профессиональных компетенций). Но чем они, собственно, могли бы заниматься? Этот вопрос замечательно сформулировала отечественный исследователь проблемы труда Татьяна Сидорина: где люди, оставшиеся без работы, будут искать смысл жизни? [14]. Мы должны отнестись к нему со всей серьёзностью.

Обращение к историческому генезису формирования образа современного человека должно помочь нам понять динамику процесса изменения смысложизненных установок. Идея «положительной философии» (см.: [20]) Густава Густавовича Шпета, которая включает в себе

методологическое внимание к истории как части цельного познания, побуждает нас обратиться к тому, что могло бы быть неконструируемой константой общественного развития. С точки зрения современного состояния гуманитарных и общественных наук предложенная философская оптика требует небольшого комментария. Дело в том, что Густав Шпет, работавший в парадигмальной установке философии начала XX в., ещё не представлял себе того внимания, которое получают ориенталистские исследования впоследствии. Его философия могла бы быть охарактеризована с этих позиций как принципиально и категорично европоцентричная. Мы отдаём себе отчёт в возможном упреке в использовании нерелевантной исследовательской оптики. Однако такое понимание искажает суть замысла русского философа. Идея рациональности, лежащей в основании европейской культуры, универсальна. Собственно, процессы глобализации, которые функционируют внутри особой *универсальной* логики, являются подтверждением того, что представление о философии как о центре культуры и рационального мышления следует принимать всерьёз.

Логика креативного мышления может быть противопоставлена логике производства, что и осуществляется многими теоретиками. В таком случае безусловный базовый доход подталкивает нас к тому, что люди, оставшиеся без работы, могут найти свою реализацию в творческой сфере. Но всерьёз встаёт вопрос: возможно ли это осуществить на практике? Если капиталистическая современность предъявляла в качестве основного требования соответствие профессиональному уровню и высокие компетенции в абсолютно любой сфере, то творчество куда менее линейный процесс, несводимый к овладению навыками. Если мы говорим о рынке креативного производства, то уже сейчас он перенасыщен и конкуренция чрезвычайно высока [12]. Вероятно, мы можем утверждать, что многие подаются в эту сферу не только по зову сердца, но и не имея банально никаких других возможностей заработать себе на жизнь, реализовать себя. Обманчивая природа такого «выхода» из кризиса должна быть артикулирована, равно как и причины его породившие. Ещё раз подчеркнём, что первопричина этих процессов кроется в трансформациях цифрового капитализма.

В случае введения безусловного всеобщего базового дохода экономическая и социальная жизнь необходимо сместятся в сферу потребления и производства культуры. Отметим также, что эта культура будет цифровой, поскольку в экономической логике введения базового дохода эффективность производства и передачи культурных благ должна быть доведена до максимума и не требовать инфраструктуры, обременяемой значимым процентом населения. Цифровые медиа именно таковы. Вероятно, оценить факт их фактического существования в активизации дискуссии о базовом доходе ещё только предстоит. Указание на цифровую природу капитализма [13], в котором происходит внут-

решения постановка вопроса об отказе от ряда работ, может привести теоретиков к новым выводам. На данный момент полноценных исследований в этой области критически мало.

Утрата человеческой ценности произойдет в таком ключе в рамках унификации процессов потребления и производства. Логика цифрового капитализма уже подталкивает нас к тому, чтобы отождествить процессы производства и потребления, описываемые термином «продьюмеризм» (от англ. *produce* – производить и *consume* – потреблять). На протяжении истории человеческая уникальность определялась способностью производить, создавать нечто новое и недоступное другим. Делать это лучше других. Вероятно, можно «лучше» потреблять культуру, но какова производительная сила этого потребления? Она может выражаться лишь в культурном воспроизводстве или раскрытии смыслов, произведенных другими.

Несмотря на впечатляющую фрагментацию и богатство современной массовой и популярной культуры, мы с уверенностью можем утверждать, что большинство людей имеют лишь опосредованное отношение к культурному производству, являясь в первую очередь потребителями, о которых практически ничего нельзя сказать [6]. Введение базового дохода, таким образом, должно учитывать культурно-историческое измерение человеческой ценности. В противном случае, мера, призванная сделать людей более счастливыми (по меньшей мере на уровне декларации), на практике может привести к разочарованию и утрате всяких перспектив у очень большого числа людей.

Заключение

В нашем рассмотрении мы обратились к связи перспектив введения безусловного базового дохода и проблеме труда. Таким образом, культурно-историческая исследовательская перспектива демонстрирует, что ценность не может являться абстрактной категорией [11], если мы обращаемся к ней на практике, желая получить ответ на конкретный вопрос. Она всегда культурно и исторически детерминирована. Часто в обсуждениях возможных последствий введения базового дохода с позиций экономической науки этот момент упускается. Философское размышление и социально-теоретическое прогнозирование может помочь в понимании последствий введения базового дохода. В первую очередь должна быть принята во внимание перспектива конкретного человека, а не абстрактное «общее благо», которое, по-видимому, выражает интересы современного капитализма.

Мы показали, что у идеи введения базового дохода есть два теоретических и практических аспекта, которые объясняют популярность этой концепции. Во-первых, колоссально возросшая производительность труда при цифровом капитализме сместила акценты в экономическом производстве. В итоге лишь малая часть населения занята в реаль-

ном секторе экономики, что позволяет поставить вопрос о необходимости занятости всех остальных. Возможно, более изящным и честным решением с точки зрения современного капитализма, опирающегося на логику траты свободного времени людьми [1, с. 48] и потребления, было бы введение пособия. Во-вторых, дискуссия о конце работы имеет долгую историю (см.: [15]), которая полна мечтаний о конце изнуряющего труда и обретении покоя в праздности или продуктивном досуге.

Основной идеей нашего размышления становится артикуляция несовместимости концепции введения безусловного базового дохода и существующей капиталистической культуры. В реальности развитие современного капитализма опередило культуру. Динамика эволюции средств производства и воспроизводства впервые вступает в столь острое противоречие с существующими культурными установками. Вероятно, в той или иной форме введение базового дохода неизбежно, поскольку логика капиталистического реализма этого требует, но для этого потребуются модернизация культуры, в особенности массовой, и способов взаимодействия с ней. Промежуточным результатом происходящих трансформаций становится утрата традиционной человеческой ценности, увязанной с профессионализмом. Социальным теоретикам, философам, экономистам только предстоит столкнуться и, будем надеяться, предложить решения, которые могли бы помочь преодолеть будущую кризисную ситуацию. Похоже, уже сейчас следует задуматься о ревалоризации человека эпохи цифрового капитализма, получающего безусловный базовый доход.

Список литературы

1. Афанасов Н.Б. Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм // Галактика медиа: журн. медиаисследований. 2019. Т. 1, № 1. С. 43–61.
2. Вайсман Дж. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 304 с.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
4. Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. Т. 29, № 6. С. 85–116.
5. Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–67.
6. Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, 2019. 304 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. Т. 4. С. 419–459.
8. Николаи Ф., Афанасов Н., Тесля А. X Международная конференция «Способы мысли, пути говорения» Школы философии НИУ

- ВШЭ (НИУ ВШЭ, Москва, 22–23 апреля 2019 г.) // Новое литературное обозрение. 2019. № 5. С. 432–445.
9. Нуреев Р.М., Дементьев В.В., Тверская Г.А., Николайчук О.А., Пивоварова М.А. Институциональная экономика. М.: Норма; ИНФРА М, 2019. 472 с.
 10. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2016. 592 с.
 11. Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Личность как проблема культурно-исторической эпистемологии (по материалам архива Густава Шпета) // Развитие личности. 2015. № 2. С. 24–42.
 12. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. 224 с.
 13. Сафронов Э. Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // Логос. 2019. Т. 29, № 3. С. 279–289.
 14. Сидорина Т.Ю. Вопрос о труде и смысле жизни // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 3–14.
 15. Сидорина Т.Ю. Цивилизация труда. Заметки социального теоретика. СПб.: Алетейя, 2014. 400 с.
 16. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. 128 с.
 17. Фрэнк Р. Успех и удача. Фактор везения и миф меритократии. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. 224 с.
 18. Чубаров И., Сеченова Е. Левая критика в эпоху платформенного капитализма // Логос. Т. 29, № 6. С. 275–308.
 19. Шпет Г.Г. Герменевтика и её проблемы // Шпет Г.Г. Мысль и слово: избр. тр. М.: РОССПЭН, 2005. 686 с.
 20. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 488 с.
 21. Connor T. Self-control, willpower and the problem of diminished motivation // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy and Analytic Tradition. 2014. V. 168, № 3. P. 783–796.
 22. Graeber D. Bullshit Jobs: A Theory. New York: Simon & Schuster, 2018. 369 p.
 23. Jenkins B. A guaranteed basic income and the aesthetics of existence // Journal of Cultural Economy. 2018. V. 12, № 4. P. 1–15.
 24. Munger M. Editor's Introduction: The Basic Income Debate // The Independent Review. V. 19, № 4. P. 485–488.
 25. Piketty T. Capital er idéologie. Paris: Éditions du Seuil, 2019. 1232 p.
 26. Taylor T., Samblanet S., Seale E. The New «Lazy»: Structure and Agency in Managers' Discussions of Welfare Clients' Motivation // Race, Gender & Class. 2011. V. 18, № 1/2. P. 171–188.
 27. Widerquist K. Three Waves of Basic Income Support // The Palgrave International Handbook of Basic Income. Malcom T. (ed.). London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 31–46.

THE LOSS OF HUMAN VALUE: BASIC INCOME AND DEPROFESSIONALISATION

N.B. Afanasov

Institute of Philosophy, Russian Academy of sciences, Moscow, Russia

The article considers the problems that may accompany the application of an unconditional basic income from a socio-philosophical point of view. The author focuses on the question of the human value in a society where work will become either a luxury for the successful or a punishment for the poor. Using the methodology of cultural-historical epistemology, the author reconstructs the concepts of human value in a capitalist society. Employment and professional self-realization are the most important components of modern self-consciousness, which cannot be abandoned when considering the concept of unconditional basic income. The author points out that the very idea of basic income, which has a significant popularity in society, is connected, first of all, with the loss of competing theories with capitalism. As a result, utopian thinking moves from radical transformation to the modernization of the existing capitalist system. Secondly, the discussion around basic income is caused by the very development of capitalism, which is becoming digital and completes the centralization of capital and production capacity. The problem of workers' deprofessionalization follows from the effectiveness of technical means. Accordingly, it is from this perspective that the problem of human value, which is no longer needed by modern digital and platform capitalism as a producing unit, should be considered. In conclusion, the author proposes to address the problem of constructing images of the future without work from the standpoint of philosophy and revalorization of the individual.

Keywords: *social philosophy, basic income, digital capitalism, culture, G.G. Shpet, labor, cultural-historical epistemology, deprofessionalisation.*

Об авторе:

АФАНАСОВ Николай Борисович – младший научный сотрудник, сектор социальной философии, Институт философии РАН, Москва, Россия.
E-mail: n.afanasov@gmail.com

Author information:

AFANASOV Nikolai Borisovich – Junior Researcher, Social Philosophy Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of sciences, Moscow, Russia. E-mail: n.afanasov@gmail.com